E49
453

МИХАИЛ ЛУЗГИН

ДОЛОЙ

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ

И

СОЦИАЛ-ПРЕДАТЕЛЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1924 г.

Государственное Военное Издательство.

Высший Военный Редакционный Совет.

(Москва, Красная пл., 2-й дом РВС СССР).

Издания к 10-летию мировой войны.

Стратегия мировой войны.

Стратегический очерк войны 1914—18 гг. в 7-ми частях:

Ч. I. Я. Цихович. Период от объявления войны до начала сентября 1914 г. Первое вторжение русских армий в Восточн. Пруссию и Галицийская битва. 240 стр. с прилож. 36 схем. Ц. 1 р. 75 к.

Ч. II. Г. Корольков. Период с 1/14 сентября по 15/28 ноября 1914 г. Августовское сражение, Варшавско-Ивангородская, Краковская и Лодзинская операции, операции в Галиции и Карпатах. Хыровское сражение. 186 стр. с 38 схем. в прилож. Ц. 4 р.

Ч. III. А. Незнамов. Период с 12/25 ноября 1914 г. по 15/28 марта 1915 г. 84 стр. с 13 схем.-картами. Ц. 50 к.

Ч. IV. А. Незнамов. Прорыв Макензена. 132 стран. с 12 схем. Ц. 1 р. 20 к.

Ч. V. В. Клембовский. Период с октября 1915 г. по сентябрь 1916 г. Позиционная война и прорыв австрийцев юго-западн. фронтом. 124 стр. Ц. 1 р.

Ч. VI. А. Зайончковский. Период с прорыва юго-зап. фронта в мае 1916 г. до конца года. 137 стр. с 3 схем. Ц. 1 р.

Ч. VII. А. Зайончковский. Кампания 1917 г. 192 стр. с 13 схем. Ц. 3 р.

---

*А. Зайончковский. Общий стратегический очерк мировой войны. 1914—18 гг. с атласом схем А. Н. Де-Лазари. (заканчивается печатанием).

*Отто Мозер. Краткий стратегический обзор мировой войны 1914—18 гг. Перев. А. И. Мялковского. 160 стр. с 6 карт. на отд. листах. Ц. 1 р. 10 к.

Г. Х. Саджент. Стратегия на Западном фронте (1914—18 гг.). Перев. с англ. под ред. проф. В. Ф. Новицкого. 153 стр. с 2 схем. на отд. лист. Ц. 1 р. 50 к.

Отдельные операции мировой войны.

М. Бонч-Бруевич. Потеря нами Галиции в 1915 г. 120 стр. Ц. 1 р.

М. П. Каменский. Гибель XX корпуса 8/21 февраля 1915 г.; с 10 схем., 2 кроки и 2 отчетн. карт. 202 стр. Ц. 1 р 25 к.

А. Корда. Мировая война. Операции на суше в 1915 г. Ц. 1 р. 60 к.

Лодзинское сражение. Прорыв у Бржезин. Перев. с нем. под ред. П. И. Изместьева. 107 стр. с 18 лист. черт. Ц. 1 р. 10 к.

Луцкий прорыв. Мировая война 1914—18 гг. Труды и материалы к операции юго-зап. фронта в мае-июне 1916 г.; под ред. П. В. Черкасова. С 14 схем. в тексте и 22 в прилож. 282 стр. Ц. 4 р.

Центральный склад изданий: 2 дом РВС СССР (гл. под'езд). Книжные магазины: Арбат, д. № 47; тел. № 2-45-98; Б. Лубянка, д. № 1; Красная площадь (вход с Ильинки). Воинским частям и учреждениям, а также военнослужащим значительная скидка. Местам широкий кредит. В провинцию издания высылаются по получении стоимости заказа. Пересылка за счет Гвиза.

Е49 / 453

СССР.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

М. ЛУЗГИН.

ДОЛОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ И СОЦИАЛ-ПРЕДАТЕЛЕЙ.

с 25 рисунками в тексте.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА—1924.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
33719 19 г.

ГОСУД. РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 23719
1/II 1925.
БИБЛИОТЕКА

(Главлит № 21797)—г. Москва. Тираж 20.250.
Типография Воздушного Флота, Б. Садовая, 3.

* * *

Война 1914—1918 годов была с обоих сторон империалистической (т.-е. захватной, грабительской, разбойнической) войной, войной из-за дележа мира, из-за раздела и передела колоний.

Десятки миллионов трупов и калек, оставленных войной,—войной из-за того, английская или германская группа финансовых (денежных,—*ред.*) разбойников должна получить больше добычи, и затем два этих „мирных договора" (которыми закончилась война,—*ред.*) открывают глаза с невиданной прежде быстротой миллионам и десяткам миллионов забитых, задавленных, обманутых, одураченных буржуазией людей.

На почве всемирного разоренья, созданного войной, растет, таким образом, всемирный революционный кризис, который, какие бы долгие и тяжелые перипетии (испытания,—*ред.*) он ни проходил, не может кончиться иначе, как пролетарской революцией и ее победой.

Ленин.

Из-за чего началась мировая империалистическая бойня.

Ты был совсем еще маленьким мальчиком, когда началась война 1914 года, и поэтому многого не помнишь. В этой войне принимала участие большая часть стран: Германия, Австро-Венгрия, Турция—с одной стороны, Англия, Франция, Россия—с другой. Позднее к последним присоединились еще Япония, Италия и Америка. Мелкие страны—как Бельгия, Сербия, Румыния и другие—тоже участвовали в драке. Из 59 независимых государств мира 34 воевали и только 25 остались в стороне. Отсюда понятно, почему война 1914—18 гг. носит название „мировой". Но кроме „мировой", эту войну зовут еще **„империалистической"**. Что значит это название и откуда оно взялось?

Конкуренция капиталистов.

Во всех странах мира господствует класс банкиров, фабрикантов и помещиков—класс буржуазии. То же до октября 1917 г. было и в России.

При господстве буржуазии отдельные хозяйства (фабрики, именья, мастерские и т. д.) работают не для удовлетворения своих собственных потребностей, а для **продажи, на рынок**. Владельцы этих хозяйств, стремясь получить как можно больше прибыли, стараются перехватить друг у друга покупателей. **Эта борьба капиталистов на рынке называется конкуренцией.**

Такая конкуренция происходит не только внутри отдельных стран, но и в мировом об'еме. Хотят, например, американские капиталисты продавать товары, вывозить сырье, устраивать фабрики в Китае, а там уже хозяйничают японские предприниматели, вовсе

не желающие уступать хотя бы часть прибыли американцам. Начинается борьба, **конкуренция.**

Какие войны называются империалистическими?

В этой борьбе скорее всех могут победить капиталисты той страны, у которой больше войск и войска лучше вооружены. Они могут легче добиться выгодного торгового договора, захватить какой-нибудь важный морской порт, **наконец, завоевать целую страну, или, как говорят, превратить страну в свою „колонию“.**

В настоящее время таких **отсталых и слабых стран,** где можно как следует погреть руки, осталось не так уж много. Кроме того, они все уже кем-нибудь **захвачены** и подвергаются разграблению и гнету.

Поэтому те капиталистические страны, которые хотели бы увеличить свои „владения“, не могут их просто захватить, а должны **отнять** у какой-нибудь другой разбойничьей державы. Теперь понятно, почему в борьбе отдельных капиталистических групп из-за „колоний“ дело в конце-концов доходит **до вооруженных кровопролитных войн.**

Покамест существует капитализм и капиталисты— их конкуренция между собой и борьба за „колонии“ неизбежны, а следовательно неизбежны и все новые хищнические войны.

Политика капиталистических стран, направленная к **захвату „колоний“,** называется **империализмом,** а возникающие благодаря этой политике войны—**империалистическими войнами.**

Из-за чего возникла мировая империалистическая бойня 1914 года?

Как и все империалистические войны, мировая война возникла из-за **соперничества** капиталистов отдельных стран друг с другом.

Основная причина возникновения этой войны— борьба между Англией и Германией за мировое господство.

К ее началу мир был поделен между капиталистическими странами таким образом, что Германии принадлежала самая малая доля угнетаемых стран или „колоний", а Англии—самая большая.

Между тем германский капитализм чрезвычайно сильно **развился** и германские капиталисты уже не могли довольствоваться только той прибылью, которую можно было выжать внутри Германии.

Но куда бы они ни пытались сунуться для грабежа—всюду уже хазяйничила Англия. Англия легла тяжелым камнем на пути германской буржуазии. И она решила очистить себе этот путь силой.

Германия начала спешно строить **морской флот**, стремясь догнать английский, самый могучий в мире. Английские капиталисты, увидав в этом угрозу своим „колониям", стали строить на каждые два германские судна **три своих.** Началось бешеное морское вооружение мировых разбойников.

Но не одна Англия мешала германскому капиталу. Там, где не было англичан, хозяйничали французские и бельгийские грабители. Так же как и английские, они не собирались уступать германским ни одной пяди.

Значит и здесь вопрос можно решить только силой. Отсюда—**лихорадочное вооружение сухопутных армий Германии и Франции. А когда и морская и сухопутная подготовка капиталистов была закончена, по пустяшному поводу, нестоящему выеденного яйца— вспыхнула мировая бойня.**

Таким образом, причиной ссоры капиталистов Германии и Англии, Германии и Франции явился вопрос о том, кому из них угнетать и грабить отсталые народы Азии и Африки—чьи карманы будут толстеть от прибыли.

Почему ввязалась в войну царская Россия?

Царская Россия ввязалась в драку совершенно по **тем же** причинам.

Русская буржуазия хотела быть нераздельным **хозяином на Балканах, грабить крестьян и рабочих Сербии, Черногории, Болгарии и т. д. Этого же хотела Австро-Венгрия.** Кроме того, русские капиталисты очень желали захватить принадлежащий Турции **г. Константинополь и Дарданелльский пролив, соединяющий Черное море с Средиземным.** Ну, а раз так,—значит все основания, чтобы миллионы трудящихся Австро-Венгрии, России и Турции были брошены убивать друг друга. К этому надо прибавить, что царь был кругом должен французским капиталистам. А так как отдавать эти долги ему было нечем, то он с большим удовольствием отдал вместо денег тысячи и десятки тысяч русских рабочих и крестьян в качестве „пушечного мяса". Русские солдаты сражались не только в пределах России, но целыми армиями перебрасывались во Францию.

Французская буржуазия постаралась сделать так, что домой из них вернулись лишь немногие счастливцы.

У всех других стран, которые принимали участие в войне, **причины были такого же свойства.** Разница только в аппетитах: одни думали отхватить полмира, другие—поменьше, а третьи—совсем маленький кусочек.

Рабочим и крестьянам—ложь.

Буржуазия, которая не сама воюет, а посылает на это дело рабочих и крестьян, скрывает от них действительные **грабительские** цели войны.

Буржуазия Германии говорила „своим" трудящимся, что Англия, Франция и Россия напали на нее, а поэтому надо защищать отечество от насильников. Буржуазия России говорила, что, наоборот, Германия и Австро-Венгрия — насильники, обижают русских кровососов и потому-де русские трудящиеся должны „за-

щищать отечество". Капиталисты Австро-Венгрии, Англии, Франции—все говорили одно и то же.

Кроме того, они обещали, что после этой войны трудящимся будет лучше и свободней жить—стоит только разбить „врагов".

Ты уже видишь, товарищ, что все это была самая наглая ложь. Буржуазия стремилась обмануть трудящихся для того, чтобы заставить их убивать друг друга. За что? За то, чтобы капиталисты могли без помехи грабить отсталые народы.

Во что обошлась бойня трудящимся.

Результаты войны 1914-18 гг.

Империалистическая война, начатая разбойниками капитализма, длилась четыре года.

В результате ее Австро-Венгрия была уничтожена совсем. На ее месте возник ряд новых мелких государств (Австрия, Венгрия, Чехо-Словакия, Юго-Славия и т. д.). Эти государства самостоятельны только по видимости, а на самом деле являются данниками Англии и Франции. Германия, побежденная англо-французским капиталом, не только лишилась всех своих „колоний" (т.-е. отсталых стран-данников, где хозяйничали немецкие капиталисты), но **сама на деле превратилась в колонию** французов и англичан. Они поделили между собой принадлежащие Германии „колонии". Франция, кроме того, отхватила еще **кусок самой Германии.**

Недовольствуясь этим, победители обложили Германию „контрибуцией", данью, в 132 миллиарда золотых марок (германские деньги). **Если бы французы и англичане захотели получить эти деньги немедленно,— они должны бы были положить в свой карман всю Германию со всей землей и фабричными предприятиями.**

В счет этой „контрибуции" они отняли у Германии 360 000 голов рогатого скота, 4.500 локомотивов, почти весь речной и торговый флот, 130.000 земледельческих машин и орудий, миллионы пудов каменного угля, семян, разных химических материалов и т. д. А в обеспечение дальнейших платежей забрали еще один кусок Германии—**богатейший рурский участок, изобилующий каменным углем.**

Само собою разумеется, что германская буржуазия платит все это не из собственных карманов, а перекладывает на немецких крестьян и рабочих, увеличивая налоги и заставляя без отдыха работать за нищенскую заработную плату.

Во что обошлась мировая война?

Но в результате войны пострадали не только Германия и Австро - Венгрия, Англия обеднела по сравнению с прежним своим положением на 50 миллиардов золотых марок, Франция на 80 миллиардов. Россия на 150 миллиардов и т. д. Общее количество расходов и убытков, понесенных всеми странами на мировой войне, равняется 832 миллиардам золотых марок **или всему народному богатству Англии, Франции и России, взятых вместе.**

Мировое богатство, созданное руками трудящихся, за время войны сократилось на 1/3—взорванную, разрушенную, выпущенную в воздух в виде снарядов и пуль.

Кто платит, а кто пляшет.

Все убытки от войны буржуазия перекладывает на трудящихся. Для этой цели она увеличивает рабочий день, отнимает часть заработной платы, облагает непосильными налогами. Теперь немецкий крестьянин платит налогов в 14 раз, английский в 7 раз, французский в 5 раз больше, чем до войны. В то же время жизнь стала во много раз тяжелее, заработок во много раз меньше, цены на все выше. **Вместо „облегчения" война принесла трудящимся разорение и тяжелый гнет.**

Зато предприниматели и спекулянты чувствуют себя после войны на славу. Награбив чудовищные капиталы на поставках пушек, снарядов, амуниции и т. д., они наслаждаются жизнью и **мечтают о новой войне,** на которой им удастся опять набить свои бездонные карманы.

Особенно довольна буржуазия Америки и Японии. Им больше чем кому-нибудь удалось „подработать“ на войне, снабжая вооружением все другие страны. Богатство Америки, например, не только не уменьшилось от войны, но увеличилось на 350 миллиардов золотых марок. И, кроме того, вся Европа у ней в долгу, как в пуху.

Отсюда видно, кому была выгодна война и за чьи интересы она велась.

Империалистическая бойня.

Так вот для того, чтобы буржуазия могла пировать и наслаждаться за счет грабежа трудящихся— была начата **империалистическая бойня 1914 г.**

За 4 года на этой бойне только убито **свыше 10.000.000 человек**, кроме того, умерло от смертельных ранений и болезней, полученных на фронте. 7.000.000 человек. Количество рождений уменьшилось на 20.000.000 человек. **Всего за это время погибло тем или иным способом 37.000.000 человек, из которых подавляющее большинство**—рабочие и крестьяне.

Россия потеряла в войне 2.500.000 человек убитыми, а ранеными и искалеченными 4 миллиона. Сюда не входят погибшие в плену, умершие от тифа, голода и изнурения, сошедшие с ума и т. д. Их количество несомненно много больше числа убитых и раненых.

Каждый грош дохода мировых капиталистов густо полит человеческой кровью. Холеные руки господ фабрикантов и помещиков запеклись от крови рабочих и крестьян.

Как покончить с империалистическими войнами?

Трудящиеся должны были бороться против бойни 1914—18 гг.

Во всех капиталистических странах рабочие и крестьяне одинаково беспощадно угнетаются буржуазией, живущей и роскошествующей за счет чужого труда.

Поэтому и интересы трудящихся во всем мире одинаковы. Трудящиеся каждой страны имеют свои политические партии, под руководством которых ведут борьбу с капитализмом. А для того, чтобы об'единить свои силы, помогать друг другу в этой общей борьбе, трудящиеся всех стран организуются в **Международное товарищество рабочих—Интернационал.** Слово „Интернационал" и значит — международное товарищество рабочих. Когда началась мировая империалистическая бойня, задачей Интернационала (товарищества рабочих) было повести рабочий класс на борьбу с нею. Эта война была выгодна только для капиталистов, а трудящиеся от нее не могли получить ничего кроме увеличения гнета да миллионов убитых и раненых—„пушечного мяса".

Измена и предательство меньшевиков.

Однако, случилось наоборот. Вожди II Интернационала (он называется „вторым" потому, что **первый раз** рабочие сорганизовались 60 лет тому назад), **подкупленные капиталистами, изменили делу трудящихся.** Они гнусно **предали** их **буржуазии**, заявив. что с войной надо не бороться, а ее поддерживать. По указке капи-

талистов они проповедывали рабочим и крестьянам, что эта война ведется за их интересы. что надо „защищать отечество“ от врагов и т. д. Наглым обманом, чудовищной бесстыдной ложью вовлекали они трудящихся в бойню, **скрывая от них всеми силами действительные грабительские цели войны.**

Это предательство было тем более возмутительным, что на всех с'ездах II Интернационала перед войной 1914 г. он **специально обсуждал** вопрос о войне и принимал решения **бороться с нею всеми** силами, когда она начнется.

Представителями II Интернационала у нас в России являлись меньшевики и эс-эры, известные больше под именем социал-предателей. как их достойно заклеймили трудящиеся во всем мире.

Большевики указали правильный путь.

И вот в то время, когда трудящиеся разных стран, обманутые и преданные изменниками-вождями, уничтожали друг друга **за интересы буржуазии**—партия **большевиков**, руководимая тов. Лениным, при поддержке передовых революционеров других стран (Карл Либкнехт, Роза Люксембург в Германии и др.), повела борьбу против войны. Она обратилась к трудящимся всех стран с манифестом.

В нем большевики об'ясняли рабочим и крестьянам смысл и грабительские цели войны. В нем большевики **указали им, что их задачей является превратить хищническую бойню, затеянную буржуазией, в войну гражданскую трудящихся против своих угнетателей—капиталистов и помещиков.**

И они показали трудящимся, как это сделать. **Под руководством большевиков, под руководством Владимира Ильича Ленина** русские рабочие и крестьяне свергли царя, капиталистов и их прихвостней—меньшевиков и эс-эров. **Под их руководством они вышли из империалистической бойни.**

На примере русской революции **трудящиеся всех стран наглядно увидели,** как надо бороться с буржуазией и с затеваемыми ею войнами. **Под руководством Владимира Ильича Ленина они создали III Коммунистический Интернационал, который ведет рабочих и крестьян всего мира к окончательной победе над капиталом.**

Возможны ли новые войны?

Природа капиталистических порядков такова, что угроза новых империалистических войн никогда не исчезает. **Наоборот, теперь она больше чем когда-нибудь еще.**

Не говоря уже о том, что буржуазия Германии только и мечтает о том времени, когда ей удастся отомстить англо-французским разбойниками, — все капиталистические страны готовятся воевать.

Англия боится соперничества Америки. Америка грызется с Японией из-за того, кому больше выжимать доходов от угнетения Китая. Франция ссорится с Англией из-за того, кому из них господствовать в Европе, кому из них больше достанется прибыли от угнетения слабых народов и стран.

Об этой опасности можно особенно хорошо судить по следующему примеру.

В 1914 году **перед войной** общая численность всех армий в мире составляла **7.000.000 человек. В 1921 году, спустя 3 года после войны, под штыками насчитывалось 11.000.000 человек.**

Для чего нужна капиталистам такая масса войск?

Большинство капиталистических стран после 1921 г. начало свои армии сокращать. Но зато **усилили технику вооружения.** Изобретаются и вводятся **новые дольнобойные пушки,** изобретаются всякого рода **отравляющие газы,** строятся **тысячи аэропланов, морских кораблей** и т. д.

Для чего нужны капиталистам эти газы и аэропланы?

Во-первых—**для того, чтобы расстреливать и избивать трудящихся своих собственных стран, если бы они вздумали восстать против власти буржуазии.**

Во-вторых—**для того, чтобы затеять новую империалистическую бойню, еще более чудовищную, чем прежняя. Из-за чего? Из-за того, кому из них достанется больше прибыли от грабежа и угнетения слабых, отсталых, разоренных народов. Причина всегда одна и та же.**

Готовят новое предательство.

Слуги, наемные прихвостни капиталистов, социал-предатели, видя неизбежность новых войн, ведут ту же предательскую работу, какую вели перед 1914 годом.

Они выносят на своих с'ездах резолюции против войны, махают в воздухе руками, кричат, утверждая, что будут бороться против новой бойни.

А сами в это же время поддерживают свои правительства, поощряют их строить новые корабли и аэропланы, а где сами стоят у власти (как, например, в Англии), там сами и строят.

Сами же вооружают армии, сами же и кричат об опасности войны. Для чего? Для того, чтобы усыпить, успокоить рабочих и крестьян. „Вот-де, мол, все обстоит хорошо, ни о чем беспокоиться не надо. Мы, меньшевики, позаботимся, чтоб не было войны".

А когда она начнется, трудящиеся, поверившие сладким речам социал-предателей, оказались бы застигнутыми врасплох.

Тем легче удалось бы их вновь бросить друг на друга. А капиталисты и меньшевики торжествовали бы победу, наслаждаясь результатами хитроумного обмана.

Но теперь им этот номер не пройдет так просто, как в первый раз.

Рабочие и крестьяне не дадут заговорить себе зубы и поведут упорную неутомимую борьбу против новых войн и тех, кому они нужны,—капиталистов и социал-предателей.

Теперь знаем, что делать.

Положение теперь совсем не такое, как было в 1914 году.

За эти годы трудящиеся **многому научились и много сделали.**

Самое главное это то, что теперь существует Коммунистический Интернационал—**испытанный, верный, опытный вождь трудящихся.** Что теперь **существует—крепнет и развивается его крепость и опора—Союз Советских Социалистических Республик.** И, наконец, то, что **существует и совершенствуется передовой отряд бойцов Коминтерна—Красная Армия рабочих и крестьян Советского Союза.**

В случае возникновения новой войны трудящиеся всего мира **знают теперь, что им делать.** Они не забудут ни одного слова из того завета, который оставил Владимир Ильич: „**Образовать нелегальную (тайную,—*ред.*) организацию для длительной работы против войны всех участвующих в войне революционеров**".

В состав Коммунистического Интернационала входят коммунистические партии: Германии с 600.000 членов, Франции с 100.000 членов, Италии с таким же количеством товарищей, Чехо-Словакии с 450.000 членов и т. д.

Все страны мира имеют свои коммунистические партии, следующие заветам Ильича. Они руководят борьбой трудящихся против новых войн не пустыми словами, а подготовкой трудящихся к вооруженному восстанию и захвату власти.

Опираясь на Советский Союз и Красную Армию, под руководством Коминтерна трудящиеся **превратят новую империалистическую бойню в мировую войну трудящихся против своих угнетателей и их прихвостней—меньшевиков.**

И день начала новой империалистической бойни станет началом гибели капиталистов. После победы трудящихся во всем мире всякие войны прекратятся раз и навсегда.

Задачи Советской власти и Красной Армии.

Если главной опорой трудящихся всех стран является СССР, то для капиталистов Советский Союз—главное препятствие, заноза в теле, мешающая им свободно высасывать кровь из рабочих и крестьян.

Поэтому капиталисты и спят и видят, **как бы им разгромить наш Союз.** Они могут попытаться это сделать и до **начала** новой захватнической войны между собой и **во время ее.**

Из этого ясно, что задачей трудящихся Сов. Союза является быть готовыми в любой момент дать этим попыткам жестокий отпор.

Все усилия рабочих и крестьян, все усилия Советской власти направлены к тому, чтобы укрепить Красную Армию, увеличить ее боевую мощь.

При теперешних условиях это значит усилить **технику вооружения** Красной Армии—дать ей достаточное количество хороших аэропланов, пушек, химических газов и т. д., которые позволили бы Красной Армии ни в чем не уступать армиям капиталистов. Для этой цели трудящиеся Союза создали по своей доброй воле **„Добролет“** и **„Доброхим“**—общества рабочих и крестьян, ставящие своей целью принести посильную помощь Сов. власти и Красной Армии в деле развития летного дела и химии.

Но техника, это—только половина дела. **Другая половина—это то, как будут сознательны и подготовлены к войне сами красноармейцы**, как хорошо они будут уметь держать себя в строю, пользоваться винтовками и пушками.

Поэтому, товарищ, если ты хочешь навсегда покончить с империалистическими войнами, если ты хочешь освобожденья трудящихся всего мира от гнета капиталистов и помещиков — учись усердно и добросовестно, слушай внимательно беседы политрука, изучай строй и обращенье с оружием. Помни, что рабочие и крестьяне всех стран смотрят на тебя с надеждой и гордостью.

Будет ли в этом году война? Ты этого не знаешь.

И я этого не знаю. Рабоче-крестьянская власть воевать не хочет.

Ну, а враги наши: короли, помещики, капиталисты, генералы всех стран?

Они точат свои ножи.

Они ждут только удобного часа, чтобы нанести нам смертельный удар.

Ужели поддадимся? Никогда!

Свою волю, свою страну, свою независимость отстоим!

Л. Троцкий.

Что писали большевики в своем манифесте к трудящимся всех стран осенью 1914 года.

Воюющие капиталистические страны нисколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны. Но чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его внимание от единственной действительно освободительной войны, именно гражданской войны против буржуазии как „своей“ страны, так и чужих стран, буржуазия каждой страны ложью о любви к отечеству старается возвеличить „свою“ национальную войну и уверить, что она стремится победить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради „освобождения“ всех других народов, кроме своего собственного.

Превращение хищнической империалистической войны в гражданскую войну — есть единственно правильный путь трудящихся.

За веру, за царя издохнешь... Гордись!

(Отрывок из повести).

Тесно и душно в хате у Еселя. Шесть человек сидит за столом, а уже кажется, что и не нашлось бы места седьмому. Чуть шевелится выцветшая занавеска. Сидит на сундуке и дремлет и качает внука старая Еселиха. Невысокий сухой старик, с головой библейского патриарха, прижался к печке и греет скрюченные пальцы как-будто им холодно. Посматривает сторожко на окна. Это—Есель.

Лучший в уезде деготь — у него, лучшая самогонка—у него же, у Еселя.

Поэтому и собрались к нему новобранцы провести последнюю ночку.

— Ну, старик! Тащи еще посудину. Не видишь, что ли?.. Не сидеть пришли.

Вздрогнул Есель, отскочил от печки.

— Сейчас, дорогие, сейчас. Одной минутой!—Побежал. Суетливо. Скрылся за занавеской и, нырнув под полог, долго возился там, гремя стеклом.

Тонким голосом взвизгнул над головами:

„Ой меня в Себеже сдавали,
Ой в белокаменном да-му-у!..“

— У-у-у-ух! — Подхватил Игнашек и затряс от избытка чувства кучерявой, бараньей головой.

„Ой остался ж маи д кудри,
Ой на холод-н-ым да на полу-у!..“

И опять завыл Игнашек... И все затихли на мгновенье и каждый почувствовал, что про него эта песня слажена, что его это кудри, что так ласкала и целовала, разглаживая, любимая, что вот эти-то шелковистые слегка выцветшие от солнца и ветра кудри разметались на грязном заплеванном полу казенного каменного здания.

— Хорошо, Федя. поешь... Хорошо! Гармонь бы вот еще. Сходи, Леша? А? Сыграл бы друг...

„Ой навабранчики та голубчики,
Ох, ну нявжели-жь вам лягко".

И удесятерилась боль и нарастала волна безысходной тоски. Давила она, тяжело давила и хоть никто не сказал, не выразил в словах о чем тоска, почему тяжело, но, быть может, и оттого, что захмелели слегка крепкие мужицкие головы—хотелось плакать и рвать на себе рубаху и бить тяжелым корявым кулаком по столу и кричать истошным надрывным голосом.

— Не хочу-у! Не хочу!.. вашу мать...

А Федька все пел, выводя куплет за куплетом, монотонно и жалостно на псковской напев.

„Ой, проти зимужки-жь-та холодной
Ай, вас погонють далеко"...

— Брось ты канитель тянуть! Как над покойником... Ох уж и песни у вас! Деревня одно слово...

— Был у нас один на заводе. Из ваших—Себежский и потеха же с него была! Мы сичас, как работа кончена—в трактир пару пива да селяночку... А он сядет на крыльцо, да вот так же, как Федька и затянет:

„Ох, я у тятьки корки ела"...

Смех право! А то раз, как забастовали, к попу пошел: „я, грит, исповедаться буду, потому как грех против начальства бунтовать". Поглядишь вот на вас таких—и смех и горе. Уж чиво там... одно слово!

— А ты полегче, не заносись!.. Мало что там у вас в Питере. У вас там бесстыдство и нахальность одна. А здесь люди правильные. Ты не высмехай-то над песнями, а спой-ка сам, коли лучше знаешь.

Это Иван Емельянович—богатеющего мужика сынок. Не нравится ему питерский гость. Пустой, в роде как и нахальный человек. Только и цены—што штиблеты да цепка... А у самого-то может и на хлеб нет.

— Братцы вы мои, дорогие вы мои!.. Ну куда мы пойдем, ну куда нас погонют!.. Ох и зачем я такой на свет произошел!.. Федя, родной братишка, спой еще, облегчи душеньку... О-ох не могу, тяжко мне! Не переносно мне... О-о-и-и-и...

Взвыл вдруг звериным воем молчаливый Алексей. И был этот вой последней каплей, переполнившей сердца напряженной тоской.

И почувствовал каждый, что „не переносно“ и ему, что сядет он сейчас вот тут на пол и завоет по-собачьи на весь голос и будет кататься по грязи и биться головой о твердые доски и просить и умолять о пощаде.

Поднялся во весь рост. Покривился стол и упали стаканы.

Вздрогнул притихший Есель, сделал движение к столу и остановился.

— Идете „за веру, царя и отечество“... Идете вшей кормить... Идете издохнуть в окопах... Идете отдать свою жизнь, свое здоровье, свою молодость! Все возьмут у вас... А что вам дали?

Зазвенели и упали на пол стаканы. Загрохотала, обрушившись, треногая скамейка.

— Вера? — Тьма народная, невежество, серость. Школа надо, а не церковь. Учитель, а не поп. Вера — худший наш враг... Так пойдемте-ж издыхать за веру!

— Отечество? Отечество—это мы! Нам войны не надо. Обманывает и дурачит нас тот, кто говорит, что война ведется за нас. Так поверим же обманщикам, пойдем отмораживать руки и ноги в окопах.

— Царь?—Это верно. За царя мы воюем! За то, чтобы он проклятый и дольше мог над нами царствовать и дальше мог бы сосать народную кровь... Ты спроси Онуфрия Вязанко—за что идем, куда идем.—Он скажет, он знает... Мы все знаем, питерские!

Ну, Лешка? А? Что же плачешь, что же рыдаешь? За великую радость должон посчитать, что берут тебя, дурака! Плясать должон, петь должон. А ты плачешь. Матку жалеешь? По девченке тоскуешь? Ерунда, плюнь!.. За веру, за царя издохнешь. Гордись!..

А вот как тебя, да за такие за слова да связать, да в город. Ишь выискался проходимец! Видали мы вас...

— Што ты Онуфрий, братишка!.. какие слова... В уме ли ты родненький!.. Выпей милый... Вот... Легче будет... Выпей...

— Эх, да не хочу я, брось!.. Бараны вы, вот что... Ездили на вас и будут ездить... И за дело... Потому как жалость с вас одна... Эх... Ну не по пути мне с вами значит!

Встал поправил картуз. Хотел что-то сказать, но только махнул безнадежно рукой. Большими и не совсем верными шагами прошел к порогу.

— А может кто и со мной? А? Может кто и не так? Э, да нет, серость... Уж чиво там...

И хлопнул тяжелой дверью.

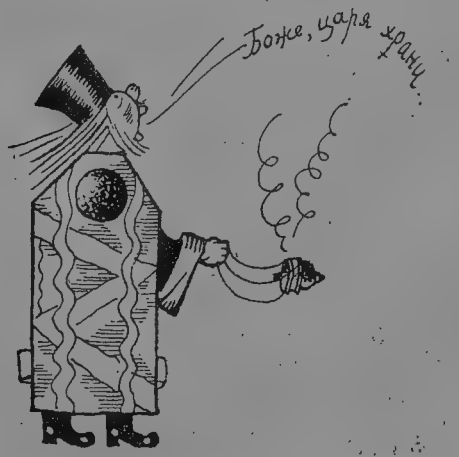
И тонко взвизгнул вслед голосистый Федька:

— Я с тобой, Онуфрий, я!.. Погоди!.

Мих. Лузгин.

Новобранцы в капиталистических армиях нутром чувствуют, что идут отдавать свою жизнь за чужие враждебные трудящимся интересы. Поэтому так грустно им всем во время призыва, и все они водкой стараются затуманить сознанье.

Совсем иначе чувствуют себя молодые красноармейцы-призывники. Они знают, что Красная Армия—защитница угнетенных, защитница интересов трудящихся. Поэтому и идут они туда с радостным сознанием исполненного долга перед рабочими и крестьянами.



Солдат—„пушечное мясо“.

Во всех армиях капиталистов и помещиков жизнь солдат ставится ни во что. Это происходит потому, что для капиталистов солдаты только средство награбить как можно больше барышей. Поэтому—зачем жалеть „серую скотинку“—„пушечное мясо“? Убьют одних—будут другие. А прибыли в карманах капиталистов от этого только увеличится.

Вот два примера из войны, которую вели русские помещики и фабриканты с Японией.

Мышеловка.

Люнет (окоп), который занимала рота, был известен во всем корпусе. Офицеры называли его „Сумасшедшим люнетом“, потому что, продежурив в нем сутки, два офицера сошли с ума и прямо с позиций были отправлены в госпиталь; солдаты прозвали люнет „Мышеловкой“. Для чего он существовал, какое было его назначение,—никто не мог понять. Люнет лежал совсем одиноко в чистом поле, на полверсты вперед от наших позиций и всего за четыреста шагов от японских; с флангов японские позиции загибались вокруг него, а справа и несколько сзади серела вдали грозно укрепленная японцами деревня Л.; кроме того, люнет был под косым обстрелом одного из наших люнетов. И отовсюду в него летели пули.

Начальник дивизии рапортом указывал корпусному командиру на полную ненужность этого люнета, на то, что в любой момент японцы шутя могут перебить всех его защитников. Корпусный положил на рапорте резолюцию: „Умереть в окопах—это значит одержать победу“. И все знали,—он очень гордился, что в районе его корпуса линия укреплений выдается вперед больше,

чем в соседних корпусах; и все знали также, что сам он ни разу не рискнул самолично побывать в этом люнете. Японцы спокойно предоставляли русскому генералу тешить свое честолюбие; наши два раза очищали люнет, и японцы его не занимали; видимо, он был им ненужен и нестрашен.

„Убитых мало".

— Знаете вы про дело нашего полка на Шахе?.. Шли мы на деревню без разведок, без артиллерийской поготовки. Господин полковник, Дениска наш, вбил себе в голову, что деревня пустая стоит. Проезжий казачишка пьяный, видите ли, сказал,—как не поверить.

И шли мы в атаку с **незаряженными ружьями**. Офицеры верхом... Япошки подпустили нас, да сразу и ахнули,—из ружей, из пулеметов... Боже мой, что было... Восемьсот человек легло. Дениска наперед всех ускакал... Мы ждали, его отдадут под суд!—Какое. У кор-

пусного в реляции (в отчете) это вышло так великолепно: „при атаке легло восемьсот человек“... И Дениска получил золотое оружие... А командир Ромодановского полка,—умница, дельный,—почти без потерь взял три укрепленных деревни,—корпусный не подал ему руки.—„Отчего у вас так мало потерь? Вы трус? Вот слесарцы,—восемьсот человек потеряли“... И никто из его полка не получил награды... Знаете вы все это?

— Знаю.—Резцов слабо улыбнулся и вполголоса пропел:

Один полковник умный был,
И тот немилость заслужил:
Убитых мало,
Убитых мало...

Вересаев.

Зачем?

От нив родных его отняли,
Где он трудился словно вол.
— „Возьми ружье, — ему сказали, —
„Поди убей". И он пошел.
И там на бранном поле встретил
Таких же пахнущих землей.
Спросил: зачем? Но не ответил
Ему угрюмый рядовой.
Все быстрой двинулись толпой,
Взводя послушные курки.
Окоп... и брызнувшей струей
Уже окрашены штыки.
А он земли покорный данник
С глубокой раною в груди,
Он, пули мстительной избранник,
Лежит далеко позади.
И взор его полуоткрытый
Так неподвижен, жутко нем.
И в нем все тот же незабытый
Вопрос таинственный: зачем?

Илья Ионов.

Товарищ солдат так и умер, не зная „зачем" погнала его буржуазия на убой. Мы теперь знаем „зачем". Прочти следующие страницы.

Захват острова Бали.

Природа его наделила всем, что только есть в ее сокровищнице: растительные и минеральные богатства неисчислимы, народ не знает бедности и притесненья. Посреди острова стояли их белые с позолоченными куполами дворцы. По дорогам тянутся вереницы быков, рога которых, как и свои головы, здешние женщины украшали цветами. По вечерам на мирных полях собиралась молодежь и под непроницаемым сводом драгоценных деревьев тихо-тихо звучали струны и песни.

На острове Бали три маленьких государства.

Они никогда не воевали между собой.

Споры их кончались на сходах.

— На свете много воздуха и простора, воды и плодов,—хватит на всех,—говорили они.

Разве Европа могла терпеть около своего ада страну с такими богатствами? Надо было обратить ее в колонию, каторгу для народа, банкирскую контору — для пришельца.

Голландия давно зарилась на этот остров.

В первых числах сентября голландские войска высадились на юго-восточной стороне острова Бали. В некотором расстоянии стояли суда, а под громадными пальмами установилась батарея пушек. Мирные жители ближайшего города выбежали навстречу европейцам, принося в дань фрукты и сласти и видимо не понимая в чем дело. Голландцы поторопились выяснить его; **женщины и старики были встречены залпами.** С военных кораблей начали стрелять из дальнобойных орудий. От цветущего, окутанного зеленью садов, веселого города должны были остаться одни развалины. Островитяне пользовались всем для защиты. У них огорожены рисовые поля с заостренными бамбуковыми пали-

садами. Из-за них они стреляют по голландцам. Скоро европейские войска подошли к столице, отбросили ее защитников от стен. Островитяне запирались в уцелевшие дома, их пришлось брать один за другим, истребляя поголовно отчаявшихся людей. Жители острова решились на массовое самоубийство. Старики, дети, женщины свернулись в грозные ряды. Мужчины первые бросились на голландские пулеметы, следом шли семьи. Первые ряды легли длинными линиями трупов. Пулеметы работали не переставая. Очевидец рассказывает, что голландцы хохотали, видя как падают последние островитяне. Когда „мужи“ пали, их матери, сестры и жены с ножами и саблями бросились на европейских солдат, и только некоторым удалось дорваться до них, остальные были расстреляны издали. Умиравшие душили детей, чтобы они не достались убийцам. Кладбище мертвого народа заняли европейцы, подняли свой флаг, вознесли благодарные молитвы богу, сообщнику разбоя и убийств. Так был завоеван остров Бали.

Несколько тысяч трупов лежало на вчера еще мирных полях. Европейские войска насчитали только 4-х убитыми и 12 ранеными. Остров Бали стал лучшим бриллиантом голландской короны. Дешево достался этот бриллиант капиталистам Европы!

(По Немировичу-Данченко).

Из-за чего бывают войны.

Немецким богачам не спится по ночам:
Богач английский снится.
Уж больно этот гад стал рынками богат.
Как с этим примириться?
Вперед, друзья, вперед,
Отечество зовет.
И смотришь—вот те на!—Об'явлена война.
Вой, стоны, слезы, скрежет,
Купцы в сторонке ждут, а пролетарский люд
Друг другу горло режет:
Вперед, друзья, вперед,
Отечество зовет.
За боем новый бой—скот гонят на убой:
Марш, серая скотинка!
Час пробил! Враг не ждет! За родину! Вперед!
На... овладенье рынка.
Вперед, друзья, вперед,
Отечество зовет.
И вот разорена соседняя страна—
(Равно как и родная).
Повсюду вопли, плач. Один вампир-богач
Живет, беды не зная.
Вперед, друзья, вперед,
Отечество зовет.
В хоромах у него, что день, то торжество—
Окончен поединок.
О, сладостный момент, раздавлен конкурент
И завоеван рынок!
Вперед, друзья, вперед,
Отечество зовет.

В. Князев.

В уплату царских долгов.

В 1916 году по приказанию Николая Кровавого несколько бригад русских солдат было переброшено во Францию. Офицеры превышали власть на каждом шагу: 1) не давали положенного солдатам довольствия и всегда урезывали его; 2) во время железнодорожного и морского пути во Францию и в последующее время беспощадно секли солдат розгами и очень часто применяли мордобитие; 3) лишали солдат денежного довольствия во время лечения их в госпиталях.

Большинство солдат было перебито и перекалечено в боях.

Уцелевшие остатки солдат узнали о начале революции из французских газет. Хотя были уже приказы от русского временного правительства, но начальство их не опубликовало, во что-то еще веря и чего-то ожидая. Об организации войсковых комитетов, об'явленных в начале революции, солдатам ничего не говорили, но солдаты сами узнали из газет и приступили к их организации.

За эти самостоятельные начинания поплатилась 3-я бригада, которая в тот же день без отдыха была отправлена на передовые позиции, а затем вскоре, 3-го апреля 1917 года, обе бригады были брошены в бой для занятия германского форта Бримона и сильно укрепленной деревни Курси. Четырехдневный бой, ужасный по своим кровавым последствиям, дал не одну тысячу убитых, раненых и тяжело контуженных солдат. На 4-й день, ко дню смены, в ротах осталось в строю от 15 до 25 человек.

Офицерство в большинстве случаев уклонялось от боя, пряталось в своих окопах и землянках.

Чем оплатилась такая жертва русских рабочих и крестьян, переодетых в серые шинели?

Искалеченные и больные, они были разбросаны по госпиталям всей Франции, где не было не только русского медицинского персонала, но не было даже переводчиков. Последние предпочитали тереться около различных штабов, чем помогать этим страдальцам-солдатам. Лечение было скверное; обращение в большинстве случаев—самое грубое, доходившее до побоев со стороны врачей (например, в госпитале Мишле в Париже); за тяжело больными и ранеными уход был слабый; тех, кто мог ходить, принуждали работать на кухне и по уборке помещений.

В это время по распоряжению генерала Лохвицкого да и по личному почину врачи выписывали больных и раненых с незажившими ранами, торопя их скорее в полки, с целью снова бросить все силы в бой.

Эти солдаты были переброшены во Францию по требованию французских капиталистов, которым Николай Кровавый был должен большие деньги.

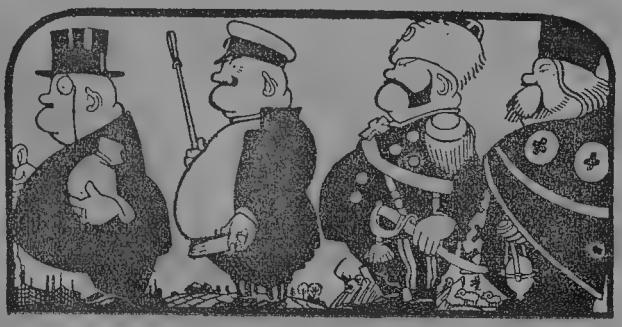
Они были в буквальном смысле слова проданы царем в счет долга французским капиталистам, как особый товар — „пушечное мясо".

Цари, купцы, помещики и попы за войну!

От огня—пожар занимается,
От царя—война подымается:
„Земли заморские,
Земли далекие
По сердцу нам.
Земли турецкие,
Товары немецкие
Прибрать бы к рукам“.
Война не шутка—
Нут-ка!—
Чаяли—три похода,
А не упрятать в три года.
Мужики хлопы—
Все в окопы
Под метлу!
А кто побогаче—
В тылу,
Не иначе!
Купцы-буржуи
Цены вздули,
Ай-люли!
Всякий товар
Жжется как вар.
А подряд для войны—
Не выговорить цены.
Купцы за войну.
Овес. С помещичьих полос.
Вверх, вверх поползь,
Поставка в казну—
Цены ударные,

Угарные!
Помещики за войну.
Церковные звоны,
Поклоны,
Молевья,—
О победе и одолении,
О болящих,
Скорбящих,
Сущих в плену.
А—и панихида
Попу не обида.
Попы за войну.
Земля пить кровь устала,
А цари говорят: „мало“.
Над царями царь—**капитал**
Под небо встал,
Пушками грохотал:
„Будет бой
Пока банкиры
Не поделят мира
Между собой“.

Басов-Верхоянцев.



Жертвы империалистической бойни.

Был теплый, солнечный осенний день (осень 1917 года). Я гулял в чудесном саду в Бостоне (город в Америке). Публики в парке было мало: няньки с детьми, да две-три старухи...

Вдруг на повороте аллеи я заметил издали какую-то странного вида тележку и на ней какой-то страшный бесформенный черный мешок. Тележку тащили две сестры милосердия, а то, что я издали принял за мешок, издавало дикий, пронзительный звериный крик. Несомненно, это было живое существо, но какое? Я приблизился. На меня глянула пара страшных человеческих глаз. Никогда я не видал таких глаз. В них было что-то дикое, неописуемо-страшное. Ужас охватил меня. Я явственно помню это ощущение внезапного, нечеловеческого ужаса. Я бросился бы бежать, но ноги не повиновались. Я остолбенел от безотчетного какого-то страха.

Передо мною был человек. Да, человек... Без рук и без ног. Круглый кусок мяса, мясной шар—и наверху обезображенная, без носа и ушей, голова. Мясной шар был обернут в черную материю—и на груди „человека“ красовался крест, знак отличия.

Я разговорился с сестрой милосердия.

— Это,—сказала она мне,—первый американский герой. Он—рабочий, его недавно привезли с фронта. Тут у него мать, его привезли к матери...

Как он живет? Что он чувствует? Неизвестно. Он не говорит, он немой. Он потерял способность говорить. он только кричит, как зверь. Он кричит, когда видит летающих птиц, когда видит, как играют дети... А его мать... Она... она какая-то... мне кажется, она сошла с ума. Однажды она хотела выбросить его из окна четвертого этажа...

Было что-то кошмарное в неподвижности этого круглого куска мяса; что-то было нечеловеческое в

его крике,—я никогда не слышал ничего подобного: протяжный, надрывный, ревущий крик...

В окрестностях Парижа устроен специальный приют для обезображенных калек... Тут живут чудовища, некогда бывшие людьми. Безрукие и безногие, слепые, сумасшедшие, обрубки человеческих тел, в которых осталась еще искра жизни; существа без членораздельной речи, без мыслительного аппарата, без органов чувств; люди, которых война превратила в пресмыкающихся, в червей, в лягушек... Здесь они собраны все. Здесь—чудовищное разнообразие. Уроды-великаны и уроды-карлики, искромсанные шеи—так что голова слилась с туловищем в одну сплошную массу; продолговатые обрубки, овальные, круглые. Все это живет, дышит и питается. Но они все молчат или рычат, как звери. У многих выворочены внутренности, у других голова приняла смешную, причудливую форму, у третьих—все черты лица слились в одну сплошную бесформенную, серо-красную массу. Какое множество и какое разнообразие безумных, диких масок.

Сюда никого не пускают, и эти чудовища никогда не покидают этих домов ужаса...

А. Меньшой.

Все эти несчастные были раньше жизнерадостными, здоровыми людьми, они отдали свои руки, ноги, глаза, ум— за что? — за то, чтобы капиталисты могли продолжать угнетать и грабить трудящихся.

Как меньшевики обманывают трудящихся.

Во время империалистической бойни 1914 года социал-демократы (меньшевики) предали трудящихся, обманом и ложью вовлекая их в бойню.

„Социал-демократы обещали в результате войны справедливый, демократический, честный мир между народами. Они лгали. Они сознательно и рассчитанно обманывали вас. Они не могли не знать, что мир будут диктовать победоносные империалисты. Бесчестная война, руководимая буржуазией при бесчестной поддержке социал-демократов, могла привести только к бесчестному миру. Он был подписан в Версале (город во Франции), где торжествующий хищник наступил ногой на горло хищнику побежденному. Германию и ее союзников раздавили и расчленили".

Теперь—накануне новой империалистической бойни—они вновь пытаются проделать то же самое:

„Трудящиеся и угнетенные, вглядитесь, вслушайтесь, вдумайтесь. Социал-демократы затевают к десятилетию войны маскарад борьбы за мир, комедию протеста против военной опасности. Они хотят рассеять ваше внимание, усыпить вашу бдительность, чтобы тем вернее связать вас по рукам и ногам и предать в руки милитаризма (капиталистической военщины). Не верьте им, изобличайте их".

Так призывает трудящихся всего мира пятый С'езд Коммунистического Интернационала, разоблачая гнусную ложь меньшевиков. Трудящиеся не поддадутся обману и поведут с предателями такую же борьбу, как с их господами-капиталистами.

Меньшевик и эсер—на один манер.

Меньшевик и эсер—
На один манер.
Всяк лоскут
Волокут
В свой кут.
Чго батрак, что кулак—
Им один смак.
„Без власти, мол, капитала
Жить не пристало".
Не в одном ушате ли
С буржуаями купаются.
Оттого и называются:
„Соглашатели,
Рабочего класса предатели".

(По Басову-Верхоянцеву).

Басня про большевика Вавилу и буржуйкиных прислужников меньшевистских.

Кузнец Вавила Аникеев,
Зайдя в лакейскую и увидавши в ней
Навзрыд рыдающих лакеев,
— „Ну-ж, ваша барыня: с прислугой лютый змей".
Сказал сочувственно Вавила —
„Побила морды вам? Расчет вам об'явила?"
— „Побила... Пальчиком ей шевельнуть не в мочь..."

— „Едва не померла она об эту ночь...“
Вавиле горестно лакеи отвечали:
— „Так вот с какой такой ревете вы печали!“
— „С та-ко-о-ой!... Позвали мы врача...
Предвестья у нее нашел паралича.
Слышь, ходит под себя. Вот третьи сутки кряду
Поочередно мы дежурим у нее:
Простыньку-ль подвернуть, подать ли ей питье....“
— „Питье!...—вздохнул кузнец—„хоть часик бы...
тае...
Мне подежурить тож... Я-б дал ей, стерьве, яду“.

(По Демьяну Бедному).

Вождь трудящихся всего мира

Владимир Ильич

УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН.

Тов. Ленин указал трудящимся выход из бойни.

Капиталисты всех стран ведут войну из-за дележа прибыли капиталистов, из-за господства над миром. Сотни миллионов людей, почти все страны земли втянуты в эту преступную войну, сотни миллиардов капитала вложены в „доходные" предприятия, несущие народам смерть, голод, разорение, одичание, а капиталистам — бешеные, скандально-высокие прибыли. Чтобы вырваться из этой ужасной войны, есть только один путь: переход всей государственной власти в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Ленин.

Пробуждение.

(Во французской армии).

Много погибло рабочих и крестьян ради прихоти капитала. Но они погибли не даром. Их смерть заставила всех трудящихся задуматься над тем, кому и зачем нужны войны. А из этой мысли вытекла и другая: покончить с войнами можно лишь, одновременно покончив с буржуазией.

Приводимый разговор французских солдат показывает, как постепенно пробуждалось сознание трудящихся.

— Вот она, война.

— Да, вот она, война,—повторяет солдат далеким голосом.

Война, а не что-нибудь иное.

Война состоит из простых солдат. Это мы образуем долины смерти и реки крови. Опустевшие города, разрушенные деревни, эти пустыни—тоже мы.

— Народы борются только за то, чтобы не иметь господ, которые ими управляют.

— Народы, это—ничто и это должно быть всем,— сказал вдруг мой сосед.

И этот солдат, уцелевший в беде, на четвереньках, на грязной земле, поднял свое лицо прокаженного и с жадностью смотрел перед собой. Он глядел и глядел.

— Народам столковаться бы между собой через шкуру и брюхо тех, кто их эксплоатирует так или иначе. Все массы людские должны были бы столковаться между собой.

— Все люди должны бы стать равными.

— Это слово как-будто пришло на помощь.

— Равными... Да... Да... Есть великие идеи справедливости и истины. Есть вещи, в которые веришь, к которым обращаешься, как к источникам света.

Это тоже свобода и братство.

— В первую голову равенство.

— В таком случае, раз народы желают справедливости и раз народы — сила, пусть же они осуществят ее.

— Они уже начинают, — произнесли чьи-то темные уста.

— Дело клонится к этому, — заявил другой.

— Когда все люди сделают себя равными, они будут вынуждены об'единиться.

— И не будет ужасных вещей, сделанных на войне 30 миллионами людей против их воли.

— Будут себя спрашивать, — говорит кто-то: „В конце-концев, чего же ради вести войну? Для чего — никто не знает: но для кого—это можно сказать". Целые народы идут на бой построившимися армиями, стадами для того, чтобы люди в золотых погонах вписали свои барские имена в историю для того, чтобы люди золота, которые принадлежат к тому же классу, что и люди в погонах, устраивали свои делишки, в интересах самих себя и своих лавок. И когда люди откроют глаза, они увидят, что нет разделения между народами, а есть разделение между классами, между господами и рабами.

— Слушай, — прервали его внезапно.

Мы умолкаем. Слышен вдали грохот пушки. Там грохот потрясает воздушные слои и эта далекая сила слабо отзывается в наших ушах.

— Опять начинается!

(По Барбюсу).

В госпитале.

В палату ввели невысокого человека в чуждой, странной форме. Раненые зашевелились, взгляды направились на вошедшего.

— Японец!.. Японец!..

Невысокий человек медленно подвигался, опираясь на плечо санитара и волоча левую ногу; он внимательно смотрел кругом исподлобья блестящими, черными глазами.

Пуля засела у японца в пояснице. Я показал знаком, чтобы он разделся. Солдаты молчали и следили за японцем.

Японец стал раздеваться. Снял широкую верблюжью шинель с козьим воротником, под нею был меховой полушубок - безрукавка. Солдаты засмеялись. Японец взглянул на них и тоже засмеялся. За полушубком следовал черный мундир с сорванными погонами (чтоб не узнали, какого полка), за мундиром—жилетка, за жилеткой—еще жилетка.

Смех усиливался, перешел в хохот. Хохотали солдаты, хохотал японец. И оттого, что он так весело и добродушно хохотал со всеми, в смехе солдат пропала враждебность, и милый, дружный, соединяющий смех стоял в фанзе (китайская изба).

Японец снял еще фуфайку и коленкоровую рубаху. Пулевая рана в пояснице уже запеклась. Японец вопросительно кивнул мне головой, потер руки и потом стал тереть свою круглую, стриженую голову с жесткими черными волосами.

— Помыться просит,—догадался фельдшер.

Я велел принести таз теплой воды и мыла. Глаза японца радостно заблестели. Он стал мыться.

Как он мылся. С блаженством, с вдохновением... Он вымыл голову, шею, туловище; разулся и стал мыть

А. ЯКИМЧЕНКО.

ноги. Капли сверкали на крепком бронзовом теле, тело сверкало и молодело от охватывающей его чистоты. Всех кругом захватило это умывание. Палатный служитель сбегал к баку и принес еще воды.

Японец благодарно взглянул на него и радостно засмеялся. Служитель поглядел кругом и тоже засмеялся. Японец опять принялся тереть мылом грудь, шею

и щетинистую голову. Скатывалась мыльная пена, брызгала вода, японец фыркал и встряхивался.

В углу на нарах лежал раненый в бедро пожилой солдат, которого я только-что перевязал. Смотрел он, смотрел на японца, как тепло сверкало под водой его чистое тело. Вдруг вздохнул, почесал в голове, решительно приподнялся и сказал:

— Ну-ка! Дайко-ся, и я помоюсь...

Вересаев.

Все трудящиеся—друг другу братья. Только обманом капиталистам удается натравить их друг на друга. Но обман не может долго держаться. Теперь уже все знают, что единственный враг трудящихся, это—капиталисты и помещики.

Идет революция.

Братья солдаты! Довольно стрельбы—
Головы ваши в тумане.
Разве все мы не такие ж крестьяне?
Вы не такие ж рабы?

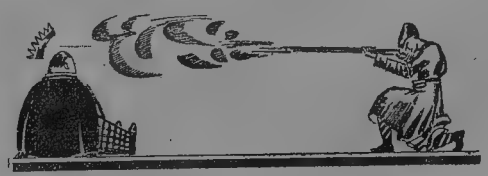
Крикнул солдат вдруг: „Нас обманули“.
В битву толкнули крестьян на крестьян,
Нас посылали под пули,
Думали—сломится в пушечном гуле
Наше единство рабочих всех стран.
Вдумайся в правду, товарищ.
В этом хаосе могил и пожарищ
Кто получил барыши?—
Торгаши, торгаши.

Рабочий, крестьянин, солдат
Целуют друг друга с горячей любовью,
Союз их спаялся пролитою кровью
На грудах разбитых в бою баррикад.

Братья! Идет революция
В красных лучах коммунизма,
В бурях народных восстаний
Искрятся проблески радостной жизни
Нового светлого строя.

Сменит он царство Царя-Капитала,
Злобу, насилье, бесправье,
Труд станет жизнью, владыкой.

М. Царев.



Война—войне!

Когда ее ведет
Царей проклятых род,
На смерть нас посылая
Для выгод кошелька
Вампира-паука,—
Томительная, злая,
Будь проклята она,
Кровавая война.
Когда народ, народ
Бьет, режет, топчет, рвет,
Вступая в поединок,
Чтоб в лапы богача
Народа палача
Чужой достался рынок,
Будь проклята она,
Кровавая война.
Но если нищий наг,
Войну ведет бедняк,
Взрывая трон банкира,
Оковы рабства рвет
И братьев в бой зовет
На овладенье мира!
Да здравствует она,
Священная война.
Но если в битву нас
Ведут последний раз
И льются крови реки,
Чтоб вольных братств сыны
Не ведали войны
Отныне и навеки,—
Да здравствует она,
Священная война!

В. Князев.

Октябрьская Революция.

(25 октября).

После революции в феврале 1917 г. власть попала в руки социал-предателей во главе с эс-эром Керенским. Они по своему обыкновению стремились погубить революцию и предать дело трудящихся капиталистам.

Только октябрьская победа русских рабочих, крестьян и солдат под руководством большевиков—покончила и с буржуазией, и с ее слугами—меньшевиками и эс-эрами.

...Двенадцать часов 25 октября. По словам коменданта Петропавловки Благонравова, все в крепости готово. Орудия накатаны на валы. Обстрел Зимнего можно начать по первому сигналу... Из Смольного сообщают, что захват всех правительственных зданий и вокзалов обошелся без кровопролития.

Еду на моторе в штаб округа. Пробираемся сквозь наши заставы на Миллионной. У дворца беспорядочная стрельба... В штабе сдалось несколько военных, правительство укрылось в Зимнем.

...Темнота. Всплески выстрелов, таканье пулеметов. По Миллионной беспорядочная толпа матросов, солдат, красногвардейцев то наплывет к воротам дворца, то отхлынет, прижимаясь к стенкам, когда с дровяных баррикад юнкера открывают стрельбу.

...Наконец-то! Глухо донесся орудийный выстрел. Еще и еще. Заговорила Петропавловка.

— Не предложить ли им сдаться?—спрашивает Чудновский, приведший часть павловцев и как всегда отважный и говорливый.

Я соглашаюсь.

Артиллерийский обстрел подействовал. Сдались ударницы, какая-то школа юнкеров. Тут же на панели складывали винтовки и под конвоем уходили по Миллионной. Чудновский хотел оставить им вооружение, я не согласился. Остальные юнкера упорствовали еще час. По узкой извилистой лестнице атаковать их было

трудно,—несколько раз они отразили натиск осаждавшей толпы.

Но и эти, наконец, дрогнули. Прислали сказать, что сопротивление прекращают. Вдвоем с Чудновским мы поднялись в палаты дворца. Повсюду разбросаны остатки баррикад, матрацы, огрызки, обоймы, оружие. Разношерстная толпа хлынула за нами, расплылась по всем этажам. Юнкера сдавались... Но вот в обширном зале у порога какой-то комнаты—их неподвижный четкий ряд с ружьями на изготовку. Осаждавшие замялись... Мы с Чудновским подошли к этой горсти юнцов, последней гвардии временного правительства. Они как бы окаменели. И стоило труда вырвать винтовки из их рук.

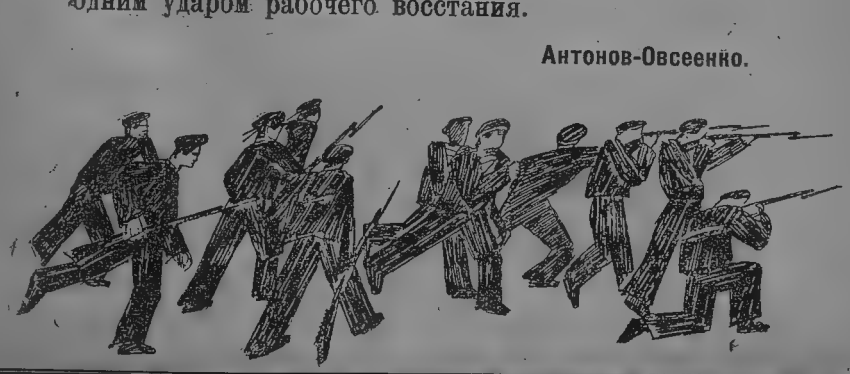
— Здесь временное правительство?

— Здесь, здесь, — заюлил какой-то юнкер. — Я ваш,—шепнул он мне.

...Вот оно, правительство временщиков, пытавшихся удержать неудержимое, спасти осужденное самою жизнью—последнее буржуйное правительство на Руси. Все тринадцать (только Керенский сбежал!), застыли они за столом, сливаясь в одно трепетное, бледное пятно. И такими дрожащими и немощными они оставались, когда я вел их под сильным конвоем в Петропавловскую крепость.

Пред ними расступалось и вновь смыкалось за ними взволнованное народное море. И были они, как бы щепа жалкая на волнах. Так тщедушно было это правительство, павшее среди общего презренья, не встретившее нигде серьезной поддержки, сметенное одним ударом рабочего восстания.

Антонов-Овсеенко.



Октябрьское восстание в Москве.

Штаб был уже организован. Комната Военного Революционного Комитета была рядом со штабом.

Вечером этого дня нашему штабу уже пришлось приняться за работу. Тут мне вспоминаются солдаты—„двинцы", сыгравшие крупную роль в нашей военной победе в Москве.

Двинцы, это—солдаты, отбывшие наказание в Двинской крепости. Из Двинска они были переведены в Москву, где сидели в Бутырках (тюрьма в Москве). Фронт и тюрьма спаяли их в единую сплоченную массу. С полным сознанием и святым трепетом каждый из них относился к революции. С врагом они боролись смело.

Однажды днем наши красногвардейцы дали маху и подпустили броневик юнкеров почти к самому Совету, так что броневик „плюнул" снарядом в стену Совета. Мигом встряхнулись наши отряды. В ожесточенный бой с броневиком и защищавшими его юнкерами вступили „двинцы". Вскоре вбежал Грачев—командир отряда двинцев.

— Мы... Мы...—задыхался он,—мы прогнали юнкеров до Спасских ворот. Прикажите брать Кремль.

У нас в штабе планы на счет взятия Кремля были совсем другие; я сказал:

— Нет нельзя. Отведите свой отряд назад к Тверской улице. Грачев невольно стукнул по столу.

— Да что вы делаете, погубим все восстание.

— Будьте покойны, слушайтесь.

Никогда в жизни не видел я лица, так перекошенного досадой.

— Слушаюсь. Только из-за дисциплины слушаюсь. Сейчас отведу отряд.

Так сильна была революционная дисциплина в рядах Красной Гвардии.

Победа.

Я спал. В комнату ворвался Муралов.

— Удирают!.. Слышите, удирают. Что же вы дрыхнете?

Понимаете, юнкера удирают через Брянский вокзал, их надо задержать на Дорогомиловском мосту!

— Конечно. Идемте организуем!—сказал я.

Наш отряд отправился к Дорогомиловскому мосту задерживать юнкеров. С рассветом загрохотали пушки. Пулеметы забили дробь своими свинцовыми зубами. В Военном Революционном Комитете машинки выстукивали наши приказы.

Городская Дума была уже нашей. Кремль тоже. Юнкера оказались в положении крыс на тонущем корабле. Первые волны солдат начали заливать улицы и переулки Москвы. Юнкера и офицеры метались.

Огневые языки побеждающего восстания уже облизывали стены Александровского училища,—этой крепости, где сидели лучшие полководцы царской армии—заслуженные, убеленные сединами генералы, покрытые крестами отличия вояки-офицеры. **Ничто не помогло, солдат победил офицера. Восставшие отвоевали Москву у фабрикантов и помещиков.**

Аросев.

В случае возникновенья новых империалистических войн—пример русских рабочих и крестьян будет всегда перед глазами трудящихся всего мира и послужит им образцом.

Штык, занесенный на своего брата по труду, обернется в брюхо общего единственного настоящего врага—капитала.

Дни борьбы.

Накануне великих событий был получен от Московского Комитета боевой приказ: рыть окопы, строить баррикады, разоружать и арестовывать офицеров.

Имея в своем распоряжении только 6 винтовок „Бердана“ и только 2 годных к ним патрона и вооружив таким образом несколько товарищей незаряженными винтовками, мы в первую очередь приступили к разоружению офицеров для того, чтобы за их счет хоть немного вооружиться.

Мы мало рассчитывали на успех и потому были несказанно удивлены, когда, спустя некоторое время, товарищи возвратились с массой отобранного оружия (револьверы, кортики, шашки). Успех об'ясняется смелостью и предприимчивостью товарищей; офицеры терялись и отдавали оружие, не сопротивляясь.

Один из товарищей доставил сведения, что юнкера готовят на наш штаб нападение. Штаб был спешно эвакуирован на завод Тильманса. Проведя здесь ночь, мы нашли это место для штаба неудобным и перешли на Прохоровскую кухню, где выставили караулы, довольно сильную охрану, организовали летучие отряды и Красный Крест, словом окончательно укрепились.

Ночь провели в напряженном ожидании предстоящих событий. Поступали сведения о развивающихся стычках с юнкерами в Кремле. В нашем районе было спокойно. На другой день наши летучие отряды стали приводить массами арестованных офицеров.

Ряды наши увеличивались с каждым часом: рабочие заводов массами записывались в боевую дружину, и теперь мы могли принять бой, вполне полагаясь на свои силы. Настроение было приподнятое; никто не допускал возможности неудачи; все рвались поскорее в бой.

Первые бои наших отрядов с юнкерами разыгрались на Б. Никитской, где юнкера, укрепившись в до-

мах и не принимая открытого боя, отстреливались из засады.

Учесть наши силы не представлялось возможным, так как рабочие присоединялись к нам массами.

Борьба продолжалась около 2-х дней, мы потеряли много убитыми и ранеными.

Наконец, нами было получено распоряжение о прекращении боевых дайствий и известие о нашей победе. Мы отнеслись к этому недоверчиво. Только спустя некоторое время, когда к нам в штаб группами стали приводить сдавшихся юнкеров, победа стала для нас очевидна. Радость охватила всех и затмила все тяжелое, пережитое в эти дни.

Отношение красногвардейцев к пленным, несмотря на озлобление против них, было крайне выдержанным; расправы, насилия, оскорбления совершенно не имели места; немедленно по разоружении и допросе пленные отпускались на свободу.

Калачев.

Воюют по-новому.

Революцию так вот и поняли: свобода значит— кончены муки, довольно нашим мужикам в грязных окопах сидеть да простужаться.

Весна. Город засветился радостью. Летом солдат попер с фронта сперва реденько, потом гуще, гуще, а потом, после Покрова, что ни поезд, то целый полк припрет. Так сплошь и сереет дорога от станции до города. Только Гараськи все не было и не писал он. И еще тяжелее было матери Гараськи от его молчания.

Шли с фронта решительные, крикливые, резкие, с винтовками и другими мешками за плечами, с зелеными котелками у пояса, с сумраком на глазах, они гужем шли. Но совсем не те, что много лет назад ухо-

дили из города. Нет, теперь это были волки, угрюмые, злые.

А Митривна все искала, выспрашивала:

— Гаранюшку моего не видели ли?

— Милиены там народа, а ты—Га-ра-нюш-ка!

Нашлись и такие, кто знал про Бокова Гаранюшку.

— Воюет! По-новому воюет с нашими буржуями. И-и, герой! Большевиком стал, командер теперь у них. Слыхала, чай, про большевиков-то?

— Гаранюшка-то взаправду герой, три креста егорьевских, куда же больше геройства? Врут поди.

Через немного дней еще весть.

— Воюет. Большевик.

Вот тут-то и завизжала Митривна.

— Этак-то он и совсем могет не притти?

— Могет.

— Господи батюшка!..

Коммунисты.

(Посвящается членам Российской Коммунистической Партии).

Под знамя наше мы собрали
Семью коммуны трудовой
И путь великий начертали
Резцом по карте мировой.

Тот путь далек!.. Пусть будет круче
К вершинам солнечным под'ем,
Сквозь холод, мрак и тучи
Мы факел красный пронесем.

Уж видно с вышек наших башен:
Перешагнув через моря,
Над гладью иноземных пашен
Зажглась восстания заря.

Меж Нью-Йорком *) и Москвою
Бежит певучая волна
И невидимкою-рукою
Стальные пишет письмена:

„Во имя общей братской доли
Вы, пролетарии всех стран,
Порывом мощным твердой воли
Сомкните свой великий стан.

Грядите в помощь коммунарам,
Рубите рабства кандалы,
Пусть старый мир одним ударом
Сметут мятежные валы".

И. Ионов.

---

*) Нью-Йорк—столица Америки.

В день революции.

Вслед за русской революцией, в конце 1918 года вспыхнула революция в Германии, свергшая „кайзера" (царя) Германии — Вильгельма. Но трудящимся благодаря предательству германских меньшевиков не удалось закрепить победу. Советам германских рабочих и крестьянских депутатов не удалось захватить власть, и она осталась попрежнему в руках буржуазии. Однако, победа трудящихся Германии не за горами.

Улицы переполнены людьми. Разрушены плотины, и по городу хлещет поток. Из предместья, из фабрик пришли они сюда—желтые лица, руки изъедены плохим маслом машин, глаза воспалены от колючего пламени электрических ламп. Пришли и бледные, увядшие, годами не видавшие света.

Пришли и те, кто еще верил лжи и обману, тогда как посвященные давно уже знали истину. Пришли и те, что жертвовали на империалистическую войну свои тонкие стершиеся обручальные кольца, в то время как во дворцах стояли тяжелые золотые и серебряные подсвечники. Пришли и те несчастные, у кого и рубашки не было на теле...

Со впалыми глазами, забитые, оплеванные, заживо погребенные, отвергнутые, замученные, распятые... да они сошли со своих крестов и пришли.

Пришли и женщины, чьи мужья давно гнили в в общих могилах; пришли и матери, те, что видели, как умирали младенцы у их иссохшей груди.

Пришли сумасшедшие, те, кого нужда и война лишили рассудка; пришли умирающие, до смерти истощенные скорбью и заботами жизни, еле несли их дрожащие ноги. Мостовые, тротуары переполнены. Повсюду ораторы на автомобилях, телегах, тачках, скамьях. Немой, кого десятки лет, столетия держали немым, заговорил теперь...

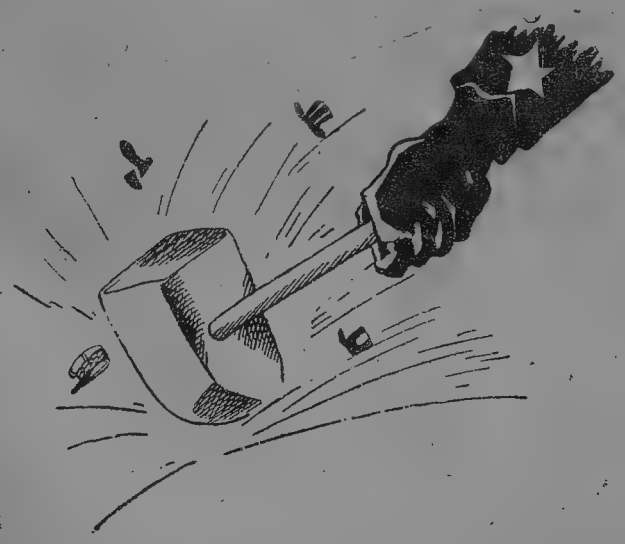
Повсюду солдаты в одиночку, кучками, толпою в жалкой заплатанной одежде. Они прошли через кровавое море, они поднялись из него, они еще опьянены запахом человеческой крови, но уже новая надежда горит в их глазах.

Военнопленные. И они свободны.

Кучками проталкиваются они в общей давке. Французы, русские, итальянцы, англичане, шотландцы, канадцы, негры, австралийцы, индусы во всех формах одежды. Они курят, почесывают заросшие щеки, плюют, гогочут. В здании рейхстага (государственной думы) заседают люди революции.

Палящим пламенем горит новое солнце революции на небе. Оно перешло Вислу (река в Польше). Оно перейдет и за Рейн (река на границе Германии и Франции). Оно перейдет и в Англию, смоченное слезами и кровью. По ту сторону Атлантического океана станет оно из моря, и стальные палаты небоскребов растают в палящем пламени.

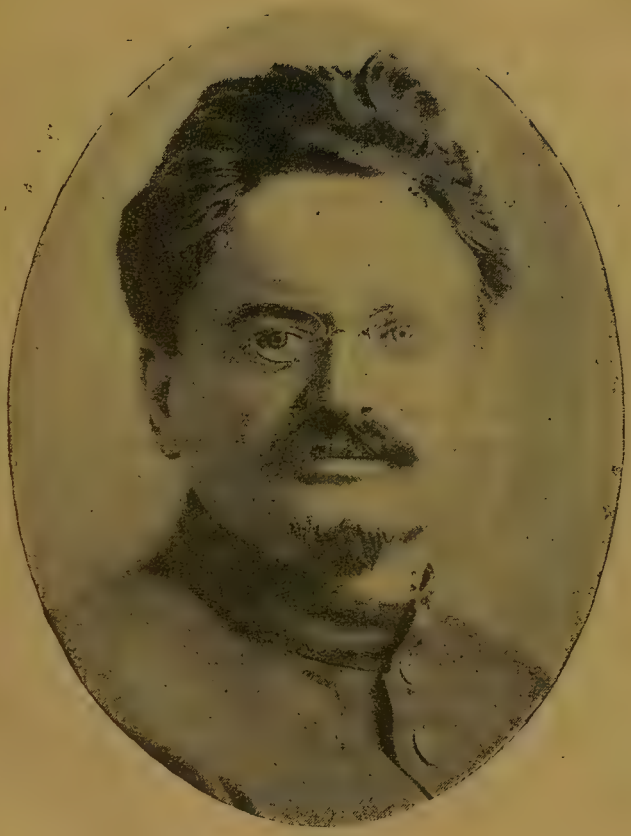
(По Келлерману).



Красная Армия—щит угнетенных и меч восставших.

Красная Армия есть вооруженная сила, предназначенная для защиты интересов трудящихся от покушений и насилий со стороны угнетателей и эксплоататоров. Красная Армия будет существовать до тех пор, пока на свете остаются монархии или помещичье-буржуазные республики. Только окончательная победа трудящихся в Европе, а затем и во всем мире, обеспечит навсегда мир между народами и сделает ненужным существование какой бы то ни было армии.

Л. Троцкий.



Вождь Красной Армии
Лев Давидович
ТРОЦКИЙ.

Царская армия и армия Красная.

Что и кого защищали солдаты старой армии.

Страну бесправия, власть помещиков, царский трон, власть капиталистов, власть урядников и стражников, земских начальников, бессовестное ограбление народа,— вот что защищал солдат старой армии. Ему говорили: за веру, царя и отечество. А кто посягал на веру? Только прикрывались этим, а на деле были сами гонителями веры всех инакомыслящих. Царя защищали, все его распутство, всю роскошь двора и малых и великих князей и княгинь, их всей бесконечной челяди, их прихоти, их жестокости, их издевательства над народом. Отечество защищали? Да, это было отечество для капиталистов, помещиков. Они постоянно сговаривались с помещиками и капиталистами других стран, с императорами, королями и президентами других стран и вели войну и заставляли и заставляют погибать миллионы людей ради грабежа, ради захватов, ради раздела чужих земель. А когда солдаты не хотели этого, их только туже скручивали, народ оставался еще более ограбленным и ослабленным и должен был расплачиваться всем— жизнью, трудом и достоянием—за эти бойни. Вот что защищали солдаты старой армии.

А что и кого защищает солдат новой армии?

Солдат новой армии должен защищать рабочих и крестьян, бедняков городов и деревень от всех врагов и эксплоататоров.

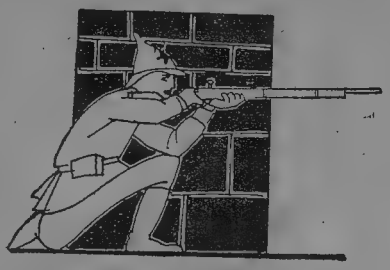
Земля перешла к трудящимся. Это право трудящихся на землю надо защищать.

Фабрики и заводы переходят в руки трудящихся, железные дороги и все пути сообщения переходят в распоряжение трудящихся. Копи, рудники переходят в руки трудящихся. Налаживается народное, общественное хозяйство, налаживается переход к социализму, к полному уничтожению наемного труда, к полному уничтожению власти капитала.

Рабочий и крестьянин получили не только права, они держат в своих руках власть, посредством которой должны перестроить всю жизнь на новых началах.

Всюду сила в руках Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов. Солдат новой армии защищает новое отечество, социалистическое. Он защищает то, что добыто ценою революции. Не прихоть, не роскошь царей и капиталов, не угнетение помещиков и земских начальников, не царство нагайки, не бесправие народное защищает солдат новой армии, как прежний защищал,— нет, он защищает право народа устроить всю жизнь на началах полной свободы, полного равенства, общего братства, и уничтожения всяких войн, всякого гнета, всякого насилия.

Ем. Ярославский.



Военная техника и воинский дух Красной Армии.

(Из „Красной Памятки").

Капитализм создает все новые орудия истребления, все более совершенные и жестокие машины убийств. Чтобы не попасть в кабалу, чтобы не стать жалкой колонией, Советский Союз вынужден неутомимо совершенствовать свое вооружение. Рост промышленности, особенно военной, и развитие транспорта являются необходимым условием могущества Красной Армии.

Военная техника сама по себе, однако, не решает вопроса. Как машиной на фабрике, так и машиной на войне управляет человек. Капиталистические страны сильнее нас техникой, ибо они богаче; **но зато после опыта последней империалистической войны, обескровившей и подло обманувшей трудящиеся массы всех стран, буржуазия нигде не может быть уверена в надежности своих солдат, набираемых из рабочих и крестьян.** Великое преимущество Красной Армии состоит в том, что ее солдаты защищают свое собственное государство, свои собственные заводы и фабрики, свою собственную землю. **Этим обеспечивается в неизбежных боях будущего великий перевес воинского духа на стороне Красной Армии.**

Л. Троцкий.

Приказ командира.

Спать нельзя, нам и не спится
Оттого, что он уснул.
Зверем вьюга на границе,
Нервной стрелкой караул.
В тундрах ночью змеи лазят,
Рыщут волки по ночам,
Но рука тверда приказом
Командира-**Ильича.**
И крепит стальные мышцы
В шлемах ленинская рать,
Каждый строже, каждый чище,
Каждый выше, чем вчера.
Каждый верит—с трудным боем
Мы пробьемся в новый мир,
Как учил нас перед строем
Наш великий командир.
Бей пудовый буйный молот,
Лейся пена у станка,
В наших пальцах синий холод
Трижды верного штыка.
Пусть ночами змеи лазят,
Рыщут волки по ночам,
Мы на страже по приказу
Командира-**Ильича.**

Г. Коренев.

Задачи Коммунистического Интернационала.

Мы достаточно бичевали буржуазный порядок. Задача международной коммунистической партии состоит в том, чтобы опрокинуть его и воздвигнуть на его месте зданье социалистического строя.

Пролетарии всех стран! В борьбе против империалистического варварства, против царей и привилегированных сословий, против буржуазного государства и буржуазной собственности, против всякого гнета—об'единяйтесь! Под знаменем рабочих Советов, под знаменем Третьего Интернационала, пролетарии всех страх, соединяйтесь!..

Из манифеста коммунистической партии.

ГДЕ ЕСТЬ УГНЕТЕННЫЕ...

Мы, женщины, пойдем на баррикады!

На берегу моря, в Италии, сидят мужчина и женщина.

Он был бледен, как церковная свечка. Его пустые глаза бродили без мысли по синей воде, а на его верхнем платье красовались три ордена за храбрость...

— Тебе хорошо, мой дорогой Пеппо?—спрашивала его Франциска—Смотри, какое солнце... Как хорошо дышать... Как жить прекрасно, Пеппо... Мой милый муж... Мы будем жить. Перед нами длинная прекрасная жизнь. Я буду ходить за тобой как нянька, как подруга. Я не оставлю тебя никогда... никогда...

— А то что я без руки?..—спросил Пеппо.

— Зачем же руки?.. Я буду за тебя трудиться.

— Я без ноги...

— Ну, ты ходить не будешь... Я буду за тебя стараться.

Зато—смотри: вся грудь твоя украшена значками: вот русский белый крест, вот итальянский, а вот французский...

Потом оба замолчали и стали думать.

А когда наступил вечер, показалась луна и белые чайки пронеслись над морем, Пеппо взглянул на жену свою и увидел, как крупные-крупные слезы жалости, тоски, страданий нечеловеческих катились по ее щекам.

Франциска не заметила, что муж глядит.

— Франциска... ты плачешь?..

И ртом своим, горячим ртом, губами жадными он наклонился к своим крестам, сорвал их один за другим, поднялся на ноге—на одной, выждал самую большую волну и плюнул в нее своими крестами...

Потом поднял глаза вверх, и страшные ругательства потрясли его грудь:

— За кого я страдаю? Во имя чего мы пролили кровь свою? Каким негодяям мы дали возможность нажить миллиарды? И во имя вас, вашей наживы я погубил себя и буду губить молодую жизнь Франциски моей... Нет...

А та, вся белая и бледная, вся замирающая от горя, молча слушала проклятия его и говорила так:

— Нет... нет... так не должно было быть...

И казалось ей, что по всему свету в эту минуту так, как она, на коленях стоят матери и жены, и сестры, и дети, и также смотрят на израненных, искалеченных войною мужей, детей, братьев своих и также проклинают творцов войны.

И в каждом из них зарождалось новое чувство глубокой и сильной вражды к тем, кто творил войну и ужас кровавый во имя наживы, во имя наживы...:

— И мы, женщины, пойдем за вас умирать, на другую войну,—говорит Франциска.

Мы встанем стеной и пойдем на баррикады, чтобы отомстить за вас, наших мужей...

Братья труда и борьбы.

В далекой Америке, в городе Новом Орлеане смешались языки людей. Здесь есть все национальности вместе, все пестрые разновидности человечества вместе, все отличительные качества вместе... Все они различны, все они своеобразны, но всех их связывают воедино нужда и хлопок...

Пароходы с хлопком, тюки и телеги с хлопком, прессы с хлопком, конторы с хлопком... И всюду нищета и голь...

Вон в том месте, где живут рабочие, сплошная грязь, болото. Даже не похоже на американский город...

Вон в том месте, где живут купцы и владетели пароходов, там высоко, чисто, прекрасно, как в лучшем американском городе...

Где бедно, там вода мутная, болотная гниющая вода. И чтобы хоронить своих мертвецов, чтобы дать им последнее пристанище, бедняки должны отказываться от услуг земли, которая не берет в себя нищих, не позволяет строить могил, и их хоронят над землей, в кирпичных саркофагах (могилах).

И все народы здесь стремятся сохранить свой язык, свои обычаи и правила. И этим пользуются богачи, чтобы раз'единить их и властвовать над каждым в отдельности.

Ивовые хижины, деревянные постройки, нищенство, а вдали театры, дворцы, музыка.

И в один из вечеров, когда нагруженные люди, измученные вечным господином своим—хлопком, разошлись по домам, им нечего было делать, ибо все говорили на своем языке и всех об'единила только общая работа.

И в этот вечер вдруг на самой людной площади появился негр-барабанщик, рядом с ним—тонкий рабочий-француз, а рядом с ними и выше их—русский человек с красным знаменем.

И так странно было видеть, как негр бил в барабан, француз пел свою „Марсельезу", а русский на своем певучем, задушевном языке говорил речь... речь, которую никто не понимал...

Залаяли собаки, прибежали мальчишки, сошлись женщины, и вся площадь покрылась народом...

Негр лупит в барабан, француз поет, а русский говорит и машет знаменем...

О, как прекрасно говорил он, и жалко было, что никто не мог понять его. Но по слезам его,— слезам ярости и гнева, по кулакам его, по быстрым взглядам все поняли, что жить,—так жить, как все живут они, нельзя... Что есть иная жизнь. Что все равны... Что все братья...

— Смерть капиталу... смерть... В моей стране прекрасной, в России отдаленной совершилось великое... Мир открылся новый... Россия... Большевик... Социализм.

Летят слова, как искры... Зажигают людей, будят сердца и мысли... Толпа стоит и слушает.

Затихнул барабан, замолкла песня „Марсельезы", а русский говорит, и всем понятен смысл его речей...

Вдруг снова барабан, и негр—саженный негр—в одной руке своей тащит барабан и бьет в него, в другой же тащит труп зарезанного им владельца парохода.

— Вон рыжий Булль... Убит... Убит насильник, угнетатель и лихоимец наш... Смерть палачам!..

Горит костер и слово „баста", „бастовать" на языке у всех... Сговариваются, соединяются, пожимают руки...

Вот уже готовы комитеты, вот уже зреет новое, вот уже оцепляет полиция бедноту и нищету человеческую...

— Смерть насильникам...

Забастовка разгорается. Старое трещит и созидается новое...

Смешались языки людей, но мысль одна всех об'единяет снова... И русский с негром и с французом идут в кварталы и зажигают мщенье всюду, где только есть рабочий и угнетенный.

Повернули штыки...

Недалеко от пышного Мадрида (в Испании) среди цветов заливаются соловьи.

И медленно в аллее королевы идет отряд гренадеров...

Глухая ночь. Взвод подошел к стене, озаренной луною, остановился. Вышел монах с крестом, с книжкой... А из-за стены вывели преступника—юношу, едва начавшего жить.

Монах направился к нему. Но юноша, отстранив его рукою, улыбнулся, ударил в грудь себя и сказал солдатам:

— Товарищи-солдаты, вот я сейчас умру. Умру... Не буду жить. Но помните: да здравствует прекрасная Россия! Да здравствует Интернационал!..

— Прекратить агитацию!—заревел офицер, вышел вперед и скомандовал шашкою:

— Пли...

Короткие удары затворов... Дым пороха... А юноша попрежнему стоит. На лице его горит ясная и светлая улыбка. Он невредим, говорит:

— Да здравствует прекрасная, смелая Россия, бросившая вызов всему миру... Да здравствует...

Весь бледный офицер направился к „преступнику", осмотрел его и видит: ни раны в нем. Все понял он: солдаты не стреляют, не хотят стрелять... О, он заставит.

„Ну, залп еще", подумал он.

Встал сам в ряды, у ближнего солдата взял ружье, дал команду „пли" и сам прицелился и выстрелил...

И юноша, едва начавший жить, упал, пронзенный пулей офицера... Упал, лежит и бьется и умереть не может.

Офицер к ребенку подошел и к уху ему приставил револьвер и пулею одною успокоил и совесть свою и жизнь, едва начавшую творить и мыслить...

И мигом те, что были призваны казнить, забитые солдаты, как будто бы по уговору направили все ружья на офицера и монаха... Посыпались, посыпались заряды...

Три трупа... Три трупа осталось лежать у стены. И взяли юношу и положили тело его на сложенные крестом штыки и понесли с рабочей песней хоронить его в садах Аранжуэца, где соловьи поют среди цветов, где океаны зелени душистой...

Старое рушится—новое строится...

Фалеев.

Наши союзники везде, на каждом заводе и фабрике, в мрачных трущобах огромных городов, где в подвалах и темных углах мучится рабочий класс, среди всех осужденных на рабский безрадостный труд, среди всех умирающих с голоду перед порогом раззолоченных дворцов, среди всех истомленных страшной империалистической бойней.

Наши союзники—в селах и деревнях, в жалких лачугах бедноты.

Под знаменем Коминтерна—против империалистов и их войн.

Пятый с'езд Коммунистического Интернационала призвал трудящихся всего мира к борьбе с капиталистами и с опасностью новой империалистической бойни.

Под руководством Коминтерна мы победим буржуазию и достигнем нашей цели—мирового братства трудящихся.

Мы, коммунисты, говорим трудящимся Европы: надо убрать с пути социал-демократию, надо опрокинуть буржуазию, надо взять в свои руки власть, надо об'единить европейское хозяйство, надо направлять его по социалистическому пути. Если Советская Россия могла в течение ряда лет победоносно отстаивать себя от капиталистической Европы и Америки, вместе взятых, то тем вернее будет победа пролетариата Европы, если он, **овладев властью, об'единит европейские государства в Советскую Федерацию, в Рабоче-Крестьянские Соединенные Штаты Европы.** Европейская социалистическая федерация станет краеугольным камнем мировой социалистической республики. **Только с того времени человечество получит возможность мыслить и действовать по-человечески,** на началах братского обмена материальными и духовными благами между отдельными материками и народами. **Войны отойдут в прошлое, ибо для них не будет более причин. Армии исчезнут вместе с войнами.** Все усилия людей будут направлены на обогащение нашей планеты, на улучшение и украшение человеческой жизни.

Такова задача Коммунистического Интернационала,—громадная, но осуществимая. Путь ее осуществления указан Марксом и Лениным. **Это—путь суровой борьбы в каждой стране против национальной буржуазии, это—путь сочетания борьбы рабочего класса разных стран для захвата власти и установления дикта-**

туры рабочего класса. Кто говорит, что есть другие пути—тот лжет вам. Коммунистический Интернационал служит делу рабочего класса тем, что говорит ему правду. Пусть эта правда звучит повсюду, как набатный колокол революционной борьбы.

Против войны, против буржуазии, против социал-предателей,—за всемирную революцию, за диктатуру рабочего класса, за коммунизм!

Придет день.

Придет день.

Все враги трудящихся будут сломлены. Затихнет грохот войны. В братском союзе сольются освобожденные от цепей капитала, от тронов и королей народы всего мира.

Отдохнет измученная земля, обильно напоенная кровью, утучненная телами павших безвинных братьев наших. Вновь покроется она садами, вся зеленеть будет нивами из края в край. Свободный труженик не будет бояться, что кто-нибудь нападет на него, кто-нибудь отнимет землю, затопчет урожай, убьет его. Тогда не будет армий, не будет вооруженной силы. Тогда не станет больше пушек, ружей, штыков, пороха. Все силы направим на то, чтобы труд был общим и радостным.

Взойдет победно над землей солнце социализма.

Красная Армия — один из отрядов, борющихся за это светлое будущее. Стройте же дружно Красную Армию!

Ем. Ярославский.

Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам верность Коммунистическому Интернационалу. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы не пощадим своей жизни для того, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира—Коммунистический Интернационал.

Из коммунистической клятвы.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

(Международная песня трудящихся).

Вставай, проклятьем заклейменный
Весь мир голодных и рабов.
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем.

Это будет последний и решительный
бой,
С Интернационалом воспрянет род
людской.

Никто не даст нам избавленья—
Ни бог, ни царь и ни герой.
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро,—
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо.

Это будет последний и решительный
бой,
С Интернационалом воспрянет род
людской.

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты никогда.

И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей.

Это будет последний и решительный
бой,
С Интернационалом воспрянет род
людской.

Военную готовность мы должны сохранить во всяком случае. Не полагаясь на нанесенные империализму удары, мы свою Красную Армию во что бы то ни стало должны сохранить во всей боевой готовности и усилить ее боевую способность.

Ленин.

Содержание.

	Стр.
Из-за чего началась мировая империалистическая бойня	5
Во что обошлась бойня трудящимся	10
Как покончить с империалистическими войнами	13
Что писали большевики осенью 1914 г.	20
За веру, за царя издохнешь... гордись! (Из повести). М. Лузгин	21
Солдат—„пушечное мясо". В. Вересаев	25
Зачем? (Стихотворение). И. Ионов	28
Захват острова Бали. (По Немировичу-Данченко)	29
Из-за чего бывают войны. (Стихотворение). В. Князев	31
В уплату царских долгов	32
Цари, купцы, помещики и попы за войну! (Стихотворение). Басов-Верхоянцев	34
Жертвы империалистической бойни. А. Меньшой	36
Как меньшевики обманывают трудящихся	38
Меньшевик и эсер — на один манер. (По Басову-Верхоянцеву)	39
Басня про большевика Вавилу и буржуйкиных прислужников меньшевистких. Демьян Бедный	—
Пробуждение. (По Барбюсу)	43
В госпитале. В. Вересаев	45
Идет революция. (Стихотворение). М. Царев	48
Война—войне! (Стихотворение). В. Князев	49
Октябрьская революция. Антонов-Овсеенко	50
Октябрьское восстание в Москве. Аросев	52
Дни борьбы. Калачев	54

Стр.

Воюют по-новому 55
Коммунисты. (Стихотворение). **И. Ионов** 57
В день революции. (По Келлерману) 58
Царская армия и армия Красная. **Ем. Ярославский** . . 62
Военная техника и воинский дух Красной армии. **Л. Троцкий** 64
Приказ командира. (Стихотворение). **Г. Коренев** . . . 65
Где есть угнетенные... **Фалеев** 67
Под знаменем Коминтерна против империалистистов и их войн 73
Придет день. **Ем. Ярославский** 74
Интернационал. (Международ. песня трудящихся) . . 75

Государственное Военное Издательство.
Высший Военный Редакционный Совет.
(Москва, Красная пл., 2-й дом РВС СССР).

Издания к 10-летию мировой войны.

Военно-исторические сборники.

(Труды Комиссии по исследов. и использов. опыта войны 1914—18 гг.). Работы А. Свечина, А. Суворова, Е. Мартынова, Д. Парского, Л. Радус-Зенковича, В. Клембовского, А. Гришинского, В. Ступина, Н. Валентинова, Д. Долгова, Л. Бельковича, Я. Циховича и др.

Вып. I—170 стр. Ц. 1 р.
Вып. II—219 „ Ц. 1 р.
Вып. III—191 стр. Ц. 1 р.
Вып. IV—189 „ Ц. 1 р.

Артиллерия.—Танки.—Воздушный флот.—Военные сообщения.—Снабжение.

Г. Брухмюллер. Германская артиллерия во время прорывов в мировой войне. Перев. А. Таубе, под ред. А. Бурова. 165 стр. Ц. 3 р.

*Ле-Энаф и Борнек. Французские жел. дороги и война. Перев. с фр. Серебренникова. Предислов. ген. Гаскуэна. 284 стр. с 24 схем. Ц. 2 р. 50 к.

*Маниковский А. Боевое снабжение русской армии в 1914—18 гг. В 3 частях; ч. I, 123 стр. Ц. 1 р., ч. II, 182 стр.—разошлась, ч. III, 252 стр. Ц. 1 р.

*Фуллер. Танки в Великой войне 1914—18 гг. Перев. с англ. под ред. проф. В. Новицкого. 264 стр., с 12 рис., 9 черт. в тексте и 9 иллюстр. Ц. 3 р.

Сношения с союзниками.—Положение военнопленных.

*Н. Валентинов. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—18 гг. 136 стр. Ц. 70 к.

*Н. Жданов. Русские военнопленные в мировой войне 1914—18 гг. 376 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Подготовка к войне.—Высшее командование.—Положение воюющих сторон.

*Ф. Н. Васильев. Румынский фронт. Со вступительной статьей С. Казакова „Румыния в мировой войне". 131 стр. Ц. 60 к.

Дюпон. Высшее германское командование с немецкой точки зрения. Перев. с франц. М. Брагинского, с предисл. Жоффра. 91 стр. с 2 сх. Ц. 75 к.

*Жоффр. 1914—15 гг. Подготовка войны и ведение операций. Перев. с франц. М. Брагинского. 66 стр., с 1 сх. Ц. 75 к.

*В. Ньюбольд. Как Европа вооружалась к войне (1871—1914 гг.). С предисл. Л. Д. Троцкого. 140 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Звездочкой отмечены издания, представляющие интерес не только для военного, но и для гражданского читателя.

Заказы адресовать в Торгсектор Гвиза.

Центральный склад изданий: 2 дом РВС СССР (гл. под'езд). **Книжные магазины:** Арбат, д. № 47; тел. № 2-45-98; Б. Лубянка, д. № 1; Красная площадь (вход с Ильинки). Воинским частям и учреждениям, а также военнослужащим значительная скидка. Местам широкий кредит. В провинцию издания высылаются по получении стоимости заказа. Пересылка за счет Гвиза.